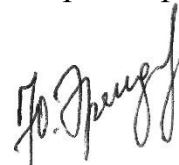

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова»

На правах рукописи

Эрендженова Юлия Юрьевна

**КАТЕГОРИИ ТИБЕТСКОЙ БУДДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ КАЛМЫКОВ**

09.00.13 – Философская антропология, философия культуры
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ростов-на-Дону – 2021

Работа выполнена на кафедре философии и культурологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова».

Научный руководитель: **Бадмаев Валерий Николаевич**
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и
культурологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий
государственный университет имени Б.Б.
Городовикова» (г. Элиста)

Официальные **Янгутов Леонид Евграфович**
оппоненты: доктор философских наук, профессор,
заведующий отделом философии,
культурологии и религиоведения ФГБУН
«Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН» (г. Улан-Удэ)

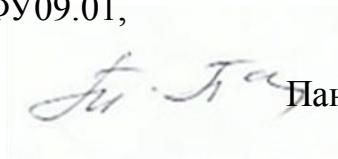
Четырова Любовь Борисовна
доктор философских наук, доцент, профессор
кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский
национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева» (г. Самара)

Защита состоится «23» декабря 2021 года в 14.00 ч. на заседании диссертационного совета ЮФУ09.01 по философским наукам при Южном федеральном университете по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42, а. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Южного федерального университета по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, д. 21Ж, 2 этаж и на сайте Южного федерального университета по адресу: <https://hub.lib.sfedu.ru/diss/show/1294956/>

Автореферат разослан «___» ноября 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ЮФУ09.01,
доктор философских наук,
профессор

Паниотова Таисия Сергеевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью понимания значимости тибетской буддийской культуры для ее последователей, число которых в современном мире неустанно растет. Эта культура получила широкое распространение не только в азиатских странах, где буддизм считается традиционной религией, но также и в западном полушарии. В России тибетский буддизм представлен в религиозных традициях калмыков, бурят, тувинцев и части алтайцев. Кроме этого, во многих российских регионах официально зарегистрированы местные и централизованные религиозные организации, осуществляющие свою деятельность под эгидой тибетских духовных учителей.

Безусловно, наставления этих учителей оказывают серьезное влияние на прихожан и членов буддийских центров, их ценностные ориентации, принципы социального взаимодействия. Это, в свою очередь, отражается в ходе диалога культур, издавна присущего российскому социокультурному пространству. Так, религия наряду с другими культурными ценностями приобретает особую значимость в качестве ресурса межнационального согласия и межкультурного диалога¹.

Как подчеркнул глава государства В.В. Путин на одной из последних встреч с представителями религиозных объединений, в настоящее время острую необходимость приобретают сохранение, укрепление и развитие межнациональных и межрелигиозных отношений как способ недопущения радикализма, экстремизма, терроризма. Первостепенную роль при этом играют духовные лидеры, чье мнение является значимым для верующих². На основании этого весьма актуальным является исследование сущностных категорий тибетской буддийской культуры, влияющих на сознание ее представителей и последователей.

В Москве на постоянной основе действует «Центр тибетской культуры и информации», созданный по благословию духовного лидера тибетского буддизма Его Святейшества Далай-ламы XIV. Совместно с Фондом «Сохраним Тибет» этот центр содействует сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма, а также укреплению отношений между народами Тибета и России³.

Почетным представителем Далай-ламы XIV в России, Монголии и странах СНГ является Тэло Тулку Ринпоче (в миру Эрдни Омбадыков, род. в 1972), одновременно возглавляющий буддистов Калмыкии. Сам Тэло Тулку Ринпоче получил религиозное образование в тибетском монастыре Дрепунг Гоманг и

---

¹ Горлова И.И. Современное общество, культурное наследие и гражданская идентичность (вместо предисловия) // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей по итогам международного научного форума. Краснодар: Родные традиции, 2017. С. 18–22.

² Встреча с представителями религиозных объединений. 4 ноября 2020 года // Сайт Президента России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64336> (дата обращения: 14.12.2020).

³ Центр тибетской культуры и информации в Москве // Сайт «Сохраним Тибет» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://savetibet.ru/center.html> (дата обращения: 15.12.2020).

приобрел довольно высокий статус в буддийском мире, в первую очередь, за счет своего духовного положения «перерожденца» (он признан воплощением Тилопы, буддийского йогина X века), а также в ходе активной деятельности по предоставлению информации о сущности и особенностях тибетской буддийской культуры.

Одним из мероприятий, организованных Тэло Тулку Ринпоче, стал диалог Далай-ламы XIV с российскими учеными, исследующими феномен сознания. Философы, лингвисты, нейрофизиологи и нейробиологи пришли к выводу о том, что тибетские буддисты располагают широким спектром методов изучения сознания человека. Знаковым событием стало открытие физиологических лабораторий в тибетских монастырях для фиксации мозговой активности при медитативном сосредоточении монахов, включая посмертный период. Российские исследователи считают, что данные исследования позволят не только раскрыть тайны генезиса и функционирования сознания, но также и определить способности человека по контролю над собственным сознанием⁴.

Идя на сотрудничество с учеными, тибетские буддисты демонстрируют готовность к адаптации в условиях современного техногенного общества. Более того, Далай-лама XIV, лауреат Нобелевской премии мира, открыто выступает с идеями секулярной этики, ставя в приоритет гуманистические принципы вместо религиозных доктрин⁵. Вероятно, такая тенденция вызывает симпатии у людей, скептически настроенных в отношении позитивного влияния религии.

Все это наводит на размышления о том, какие именно факторы тибетской буддийской культуры дают возможность ее носителям сочетать принципы научности и гуманности с религиозными представлениями, сохранять веру и обосновывать религиозный праксис. Это актуализирует необходимость обращения к основаниям тибетской буддийской культуры, включения ее базовых категорий в современный научный дискурс. Это же, в соответствии с принципами философского востоковедения и межкультурной философии⁶, позволит увидеть тибетский буддизм через призму восприятия самих буддистов и тем самым расширить философско-культурологическое знание.

В числе приверженцев тибетского буддизма находятся калмыки – монголоязычный народ, проживающий на Юге России. Как показывают исследования отечественных ученых, приобщение к буддизму является одной из важнейших составляющих ментальности и идентичности калмыков⁷. Вся

---

⁴ Дубровский Д.И. Буддизм и наука. Круглый стол. Москва, Институт философии РАН, 31 октября 2017 г. // Философские науки. 2018. № 3. С. 42–80; Медведев С.В. Физиологическая лаборатория в буддийском монастыре. Зачем и как? (Видео) // Сохраним Тибет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://savetibet.ru/2020/12/25/svyatoslav-medvedev.html> (дата обращения: 27.12.2020); Хранители «чистого разума» // Научная Россия [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://scientificrussia.ru/articles/hraniteli-chistogo-razuma>. (дата обращения: 27.12.2020).

⁵ Далай-лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира / пер. с англ. Н. Иноземцевой. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2016.

⁶ Степанянц М.Т. От европоцентризма к межкультурной философии // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 150–162.

⁷ Бадмаев В.Н., Пурэвсурэн Б. Феномен идентичности и этнокультурное многообразие народов в регионе (по материалам социологического исследования в Республике Калмыкия) // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4. С. 108–114; Бадмаева З.С. Национально-психологические особенности калмыков: авторефер. дис. ...

калмыцкая духовная культура, включая эпос «Джангар», бытовые поговорки и пословицы, сказки, песни, мифы, литературные произведения, буквально пронизана космологическими и этическими идеями буддизма⁸.

После нескольких десятилетий забвения религиозных ценностей в советское время калмыки восстанавливают свою религиозную традицию с опорой на тибетский буддизм. Вслед за Тэло Тулку Ринпоче, который почти тридцать лет носит титул Шаджин-ламы (главы) буддистов Калмыкии, монашеская община и миряне открыто заявляют о своей приверженности Далай-ламе XIV, изучают буддийскую философию под руководством тибетских учителей, организуют религиозную деятельность в соответствии с тибетскими традициями⁹. Многие калмыки совершают регулярные паломничества в центры тибетского буддизма и вносят значительный вклад в его развитие. Все это указывает на тесные калмыцко-тибетские связи в религиозной сфере.

Известно, что калмыки восстанавливают с тибетцами отношения, имеющие длительную историю. При этом существует мнение о том, что в постсоветском периоде калмыки полагаются не на традиционную тибетскую буддийскую культуру, а обращаются к глобальной коммуникационной сети тибетского буддизма, сформировавшейся на Западе в XX веке¹⁰. Иными словами, в современной Калмыкии представлена тибетская буддийская культура, «переработанная» в соответствии с западными установками (определение дано по Агаджаняну¹¹), поэтому она и воспринимается некоторыми калмыками как нечто чуждое.

К тому же высказываются мнения о том, что в религиозной традиции калмыков остались элементы добуддийских верований (шаманизма, тенгрианства и др.), и потому у калмыков сформировалась особая синкретическая религиозная традиция – «калмыцкий буддизм», а сознание калмыков отличается религиозным синкретизмом¹². В таком случае следует признать, что уникальная калмыцкая религиозная традиция самодостаточна, в процессе возрождения и развития она может ограничиться собственным наследием, что явно противоречит позиции официального буддийского духовенства Калмыкии.

Вместе с тем общеизвестна военная история калмыков. Ц.А. Бадмаева отмечает, что наряду со справедливостью, ответственностью, верностью,

---

канд. психол. наук. М., 1997.; Имкенова А.Б. Этническая идентичность калмыков Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.; Тюмидова М.Е. Менталитет калмыцкого этноса: историко-культурологический анализ: дис. ... канд. истор. наук. Элиста, 2017.

⁸ Бадмаев В.Н., Манджиев Н.Ц., Уланов М.С. Духовная культура калмыцкого этноса (опыт этнофилософского исследования). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012.

⁹ Золотая обитель Будды Шакьямуни // Сайт Центрального хурула Республики Калмыкия [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.khurul.ru/buddizm-kalmykii/zolotaya-obitel-buddy-shakyamuni/> (дата обращения: 15.12.2020).

¹⁰ Островская Е.А. Буддийские общины Санкт-Петербурга. СПб.: Алетейя, 2015.

¹¹ Агаджанян А.С. Буддизм в глобальную эпоху // Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011. С. 46–56.

¹² Бичеев Б.А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2005; Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010; Захаров Б.А. Путь Неба или сокровенное знание ойратов. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011.

терпимостью, оптимизмом, высшими современными этнокультурными ценностями калмыков остаются также сила, доблесть, воинственность¹³. Эти выводы вступают в некоторое противоречие с мнением о том, что с восприятием буддийской этики воинственные калмыки стали мягче, приветливее и деликатнее¹⁴. Более того, Б.У. Китинов предположил, что воинственность калмыков вовсе и не противоречила буддийским установлениям¹⁵.

Из всего этого вытекает вопрос о том, насколько необходимо восстанавливать религиозную традицию, вызывающую столько противоречий. Более того, социологические исследования последних лет показывают, что большинство калмыков мало знакомы с буддийским учением, плохо осведомлены об историческом развитии буддизма. Так, опрос 2014 года выявил, что молодые калмыки не интересуются буддийской философией, не осознают сущность буддийских ритуалов. Для них приобщение к буддизму является лишь данью традициям и наставлениям старшего поколения¹⁶.

В 2017 году в ходе изучения религиозности калмыцкого населения было определено, что в Калмыкии есть те, кто идентифицируют буддизм как «религию родителей» и считают себя традиционными буддистами, но в то же время не относят себя к верующим (5,1 %). Такой парадоксальный вывод наводит на мысль о том, что сегодня калмыки включают буддийскую религию в свою жизнь лишь как маркер этнической идентичности¹⁷.

В 2020 году была предпринята новая попытка опроса калмыцкой молодежи, а также тувинской и бурятской, в рамках проекта «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения». И вновь больше половины опрошенных калмыков объясняли свою приверженность буддизму этнической принадлежностью и традициями (62,8%). При этом, выразив открытую симпатию к буддийской религии, они не смогли дать ответы на простые вопросы о распространении буддизма за пределами Индии¹⁸.

На основании этих выводов необходимо определить, действительно ли возрождение буддизма в Калмыкии является лишь условием сохранения культурной самобытности и этнической идентичности калмыков, или же буддийская традиция, берущая начало в Тибете, способна оставаться важной и значимой для них в условиях научно-технического прогресса современного гуманистического общества.

---

¹³ Бадмаева Ц.А. Этнокультурные ценности калмыков: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2007.

¹⁴ Бадмаев В.Н., Долгорсурэн Ж., Уланов М.С. Калмыцкий этнос: культурные традиции и цивилизационные вызовы. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018.

¹⁵ Китинов Б.У. Война в буддийской традиции (на примере истории буддизма у ойратов) // Буддизм Ваджраяны в России: исторический дискурс и сопредельные культуры: колл. монография / отв. ред. Е.В. Леонтьева. М.: Алмазный путь, 2013. С. 45–54.

¹⁶ Нуксунова А.М. Возрождение бытового калмыцкого языка и буддизма как факторы этнической самоидентификации современной калмыцкой молодежи (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 67–76.

¹⁷ Нухаева Б.Б. Религиозность населения Калмыкии в современных исследованиях // Вестник АГУ. 2017. Вып. 4 (209). С. 220–224.

¹⁸ Бадмаев В.Н., Уланов М.С., Ламажаа Ч.К., Бичелдей У.П., Антонов В.И., Очирова О.А. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 35–49. DOI: 10.25178/nit.2020.1.3

Степень научной разработанности темы. Калмыцкая буддийская традиция, сформировавшаяся в ходе калмыцко-тибетского диалога культур, становилась предметом исследования многих историков, культурологов, искусствоведов, филологов, правоведов. Их выводы позволяют представить довольно полную картину влияния тибетского буддизма на социокультурное развитие калмыков.

Ценные сведения о религиозной традиции калмыков были получены в имперский период российской истории теми исследователями, кто непосредственно общался с калмыками и наблюдал за их образом жизни. Среди них В.М. Бакунин, Б.Я. Владимирцов, К.Ф. Голстунский, Я.П. Дуброва, И.А. Житецкий, А. Крылов, И. Мефодий, П. Небольсин, И. Нефедьев, П.С. Паллас, А. Писемский, А.М. Позднеев, Г. Прозрителев, Н. Страхов и др.

В советский и постсоветский периоды этой проблематике посвящены работы А.В. Бадмаева, В.Н. Бадмаева, З.С. Бадмаевой, Э.П. Бакаевой, М.М. Батмаева, Б.А. Бичеева, Т.Г. Борджановой, Г.Ш. Дорджиевой, Н.Ц. Манджиева, Д.Н. Музраевой, О.Д. Мукаевой, К.А. Наднеевой, К.В. Орловой, Н.Н. Пальмова, Ц.Б. Селеевой, М.С. Уланова, Л.Б. Четыровой, Д.А. Шарманджиева, Н.С. Яхонтовой и др.

История взаимоотношений калмыков и тибетцев стала объектом исследования отечественных и зарубежных ученых Э.П. Бакаевой, Б.Я. Владимирцова, Б.У. Китинова, А.А. Курапова, Б.В. Очировой, П.А. Павлова, В.П. Санчирова, Р. Таупьера, В.Т. Тепкеева, А.В. Цюрюмова, В.Д. Шакабпы и др. Все эти исследователи соглашались с преобладанием религиозных оснований в калмыцко-тибетских контактах.

Следует отметить, что в представленных исследованиях взаимосвязь калмыцкой религиозной традиции с тибетским буддизмом тщательным образом рассматривается в политическом и социокультурном контексте. В то же время не выявленными остаются те аспекты тибетской буддийской культуры, которые могли способствовать зарождению религиозной веры у предков калмыков (ойратов), а также все еще остаются важными для современных калмыков, что выражается в поддержании ими религиозных отношений с тибетскими буддистами.

В этой связи весьма важными являются исследования о сущности и особенностях самой тибетской буддийской культуры. Эти проблемы раскрываются в работах отечественных и зарубежных тибетологов и буддологов, среди которых В.П. Андросов, Ж.А. Аякова, К.А. Багаева, А.А. Базаров, А. Берзин, Р. Бир, Й. Бэнтон, Д. Вангчук, А.Ц. Гулгенова, И. Гурий, Б.Д. Дандарон, Тх. Джинпа, А.М. Донец, Р.М. Дэвидсон, М.Т. Капстейн, Р.Н. Крапивина, Л.М. Коротецкая, Е.И. Кычанов, С.Ю. Лепехов, Д.С. Лопез, Р. Майер, С.П. Нестеркин, Е.А. Островская-мл., Дж. Пауэрс, Ю.Н. Рерих, Ц. Ригзин, Х. Ричардсон, Р. Рэй, Л.С. Савицкий, Д. Снэллгроув, Я.-У. Собиш, Дж. Сэмюэль, Е.А. Торчинов, Р. Турман, Дж. Туччи, И.С. Урбанаева, Е.Ю. Харькова, Дж. Хопкинс, Ф.И. Щербатской, Л.Е. Янгутов и др.

Таким образом, настоящая работа является попыткой расширить взгляд на роль тибетской буддийской культуры в формировании и развитии калмыцкой религиозной традиции, выявить ее значение для самих калмыков. **Научная задача** исследования заключается в том, чтобы определить, какие аспекты тибетского буддизма могут иметь важнейшее значение для калмыцкого этноса в контексте современной культуры. Такая постановка вопроса определяет объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объект исследования: категории тибетской буддийской культуры.

Предмет исследования: влияние категорий тибетской буддийской культуры на формирование и развитие калмыцкой религиозной традиции.

Цель исследования: выявить значение категорий тибетской буддийской культуры для калмыков и развития их религиозной традиции в контексте современной культуры.

Задачи исследования:

- выделить теоретические аспекты философско-культурологического анализа категорий тибетской буддийской культуры;
- разработать и обосновать методологию исследования значения категорий тибетской буддийской культуры;
- определить особенности религиозного обращения предков калмыков в тибетский буддизм;
- проанализировать и определить степень интеграции категорий тибетской буддийской культуры в базовые элементы калмыцкой религиозной традиции;
- выявить вероятное субъективное значение категорий тибетской буддийской культуры для калмыков;
- определить значение категорий тибетской буддийской культуры для развития калмыцкой религиозной традиции в контексте современной культуры.

Гипотеза исследования заключается в том, что выявление значения категорий тибетской буддийской культуры для калмыков и развития их религиозной традиции станет возможным, если определить сущностные основания тибетской буддийской культуры и вероятную интенциональность калмыцко-тибетского религиозного взаимодействия.

Теоретико-методологические основания исследования. За основу приняты теоретические положения в работах ведущих философов культуры и религии, исследователей человеческой субъективности, религиоведов, буддологов, калмыковедов и тибетологов.

Методологические основания исследования включают следующие подходы, принципы и методы:

- философско-культурологический подход в рамках философско-востоковедного осмысления тибетского буддизма как религиозной культуры;
- категориальный подход (В.С. Степин, М.Т. Степанянц, В.И. Рудой, Е.П. Островская) к изучению тибетской буддийской культуры для выявления ее сущностных характеристик;

– принцип «когнитивной скромности» межкультурной философии (М.Т. Степанянц), в соответствии с которым принимаются во внимание теории и методы, разработанные в тибетской буддийской культуре;

– философско-герменевтический подход (П. Рикёр) к выявлению значения категорий тибетской буддийской культуры для калмыков в ходе психоанализа, структуралистского и феноменологического исследования их религиозной традиции;

– модель религиозного обращения Л. Рамбо и Ч. Фарадиана для соотнесения причин обращения предков калмыков (ойратов) в тибетский буддизм с их вероятной заинтересованностью в категориях тибетской буддийской культуры;

– системно-структурный подход для анализа интеграции выделенных категорий в базовые элементы (религиозное сознание, религиозную деятельность, религиозные отношения, религиозные институты и организации) калмыцкой религиозной традиции;

– междисциплинарный подход для использования результатов социогуманитарных исследований, затрагивающих проблематику влияния тибетской буддийской культуры на базовые элементы религиозной традиции калмыков;

– диалектический подход, дающий возможность рассматривать базовые элементы религиозной традиции калмыков в динамике;

– феноменологический подход для выявления вероятного субъективного значения категорий тибетской буддийской культуры для калмыков;

– герменевтический анализ текстов калмыцкой религиозной традиции, включая источники их «живой» буддийской традиции (подход О.О. Розенберга);

– объединенная типология религиозных личностей по Г. Олпорту и тибетской системе «ламрим» для понимания вероятных интенций людей, имеющих разные мотивы к религиозной теории и практике;

– принципы научной объективности и историзма для исследования религиозных феноменов в их взаимосвязи и развитии;

– общенаучные методы сравнения, аналогии, обобщения, анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Источниковая база исследования. Категориальный подход к изучению тибетской буддийской культуры предполагает изучение ее основных текстов религиозно-философского характера, среди которых:

– тексты из Кагьюра: «Праджня-парамита восьмитысячная»; «Сущность Бхагавати Праджня-парамиты»;

– трактаты из Тэнгьюра: «Семьдесят строф о пустотности», «Толкование бодхичитты» Нагарджуны; «Украшение из постижений» Майтреи; «Введение в мадхьямику» Чандракирти; «Вступление в практику Бодхисаттв» Шантидевы;

– тексты школы ньингма: «Гирлянда сущностных наставлений» Падмасамбхавы; «Комментарий на махаянское учение о великом совершенстве природного состояния ума» Лонгчена Рабджама;

– тексты школы кадам: «Светоч на пути к Пробуждению» и «Гирлянда драгоценностей бодхисаттвы» Чжово Атиши;

– тексты школы сакья: Комментарий Кунги Гьялцена на текст Вирупы «Ваджрные строфы о пути-плоде»; «Дверь, ведущая в Учение» Сонома Цзэмо;

– тексты школы кагью: «Жемчужная гирлянда собрания дхарм» Гампопы, «Инструкции по природному единению махамудры» Кармапы Рангджунга Дордже;

– историко-философские работы тибетцев, в которых изложены базовые идеи разных буддийских направлений и школ: «История буддизма (Индия и Тибет)» Будона Ринчендуба; «Обширное [изложение] философских школ» Чжамьянга Шепы;

– тексты школы гелуг: «Три основы пути», «Большое руководство к этапам пути пробуждения», «Большое руководство к этапам пути мантры».

Герменевтическая направленность исследования потребовала привлечения широкого круга текстов калмыцкой религиозной традиции: как собственно религиозно-философских источников, так и образцов устного народного творчества, исторических хроник, законодательных актов, биографий, дневниковых записей, интервью, выступлений, информации интернет-ресурсов.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

– представлена категориальная модель, включающая смыслообразующие доминанты тибетской буддийской культуры как мировоззренческие универсалии для ее последователей: *метод – мудрость, тантра, духовный учитель*;

– обоснована комплексная методология исследования категорий тибетской буддийской культуры для выявления их вероятного субъективного значения с акцентом на интенциональности верующих;

– посредством применения модели религиозного обращения (Рамбо, Фарадиан) показано, что предки калмыков (ойраты) могли обратиться к тибетскому буддизму как к источнику спасения от кризиса, сложившегося в их обществе, однако их буквальная интерпретация учения стала причиной сохранения воинственного духа в противовес буддийскому принципу ненасилия;

– калмыцкая религиозная традиция представлена в форме религиозного комплекса, что позволило проследить влияние выделенных категорий тибетской буддийской культуры на религиозное сознание, религиозную (культовую и внекультовую) деятельность, религиозные отношения, религиозные институты и организации калмыков;

– для выявления вероятного субъективного значения категорий тибетской буддийской культуры применена объединенная типология религиозных личностей по Г. Олпорту и буддийской системе *ламрим*, что дало возможность предположить интенции калмыков, исходя из разных мотиваций;

– определено, что при опоре на категории тибетской буддийской культуры развитие калмыцкой религиозной традиции не противоречит тенденциям

современной культуры и тем самым дает калмыкам возможность осознать целостность своей этнической идентичности и культурной самобытности.

На защиту выносятся следующие **основные положения** исследования:

1) Философское осмысление востоковедного материала с соблюдением принципа «когнитивной скромности» межкультурной философии дает возможность выявить сущность восточных культур. С этой точки зрения тибетская буддийская культура предстает как уникальная религиозная традиция, основным принципом которой является целостное восприятие теории и практики с последующим применением в повседневной жизни и изменением сознания. Основным методом познания тибетцев – логический анализ в ходе слушания, размышления и медитации. Категория *метод – мудрость*, объединяющая понятия *пустотность* и *бодхичитта*, обосновывает теоретические и методологические положения тибетской буддийской культуры. Категория *тантра* раскрывает практическую реализацию учения в форме обрядово-культурной системы тибетского буддизма. Категория *духовный учитель*, включающая понятия *лама* и *благой друг*, указывает на незаменимую роль учителя в качестве медиатора на религиозном пути, особенно в ходе тантрической практики.

2) При исследовании категорий тибетской буддийской культуры важно обратить внимание на их значение для верующих. Это требует применения комплексной методологии, которая, прежде всего, способствует определению сущности тибетской буддийской культуры (философско-культурологический подход), ее смыслообразующих доминант (категориальный подход), ее субъективного значения для верующих (философско-герменевтический подход). Проект регрессивно-прогрессивного анализа П. Рикера способствует параллельному применению методик психоанализа, структурализма, феноменологии. Герменевтическая направленность исследования обосновывает необходимость междисциплинарного, диалектического подходов, принципов научной объективности и историзма, а также общенаучных методов сравнения, аналогии, обобщения, анализа, синтеза, индукции и дедукции. Существенным дополнением к объективному изучению восточной культуры является соблюдение принципа «когнитивной скромности» как в теоретическом, так и в методологическом основании исследования.

3) Религиозное обращение в тибетский буддизм, равно как и в любую другую религию, является длительным процессом, в котором важное значение имеет кризисное состояние человека, непосредственно предшествующее и приводящее его к конверсии. Если говорить о целом народе, то кризис должен иметь более масштабные размеры. Применение модели Л. Рамбо и Э. Фарадиана способствовало пониманию того, что категории тибетской буддийской культуры помогли предкам калмыков обрести смысл воинского уклада жизни, необходимости объединения и создания собственного государства. Категория *метод – мудрость* обосновала их воинственность и единство как альтруистическую мотивацию к спасению живых существ и сохранению буддийского учения; категория *тантра* позволила им соприкоснуться с

эзотерическим миром тантрических ритуалов и обрести веру на основе благоговейного трепета; посредством категории *духовный учитель* они прониклись идеалом религиозной личности, согласующей теоретический базис буддизма с самоконтролем и нравственным поведением. Сами тибетцы, убежденные в истинности буддийского учения, могли использовать средства обращения с сотериологической целью.

4) Структурно-системный подход позволил выявить, что категории тибетской буддийской культуры по-разному были интегрированы в базовые элементы калмыцкой религиозной традиции. Категория *метод – мудрость* в большей степени отражается в религиозном сознании калмыков, сталкивавшихся с этой категорией при чтении буддийских текстов. Категория *тантра* получила наибольшее отражение в религиозной культовой (коллективные тантрические ритуалы, рецитация мантр и дхарани, посвящения, благословения, индивидуальные практики) и внекультовой (лечение методами тибетской медицины, астрологические расчеты, паломничество) деятельности калмыков. Категория *духовный учитель* обнаруживается в религиозном сознании как убежденность в святости лам (Чже Цонкапы, Далай-лам, Панчен-лам), а также в религиозных отношениях, при которых миряне с большим почтением относятся ко всем буддийским монахам.

5) На основе типологии религиозных личностей выявлено, что наиболее вероятной мотивацией калмыков при обращении к тибетской буддийской культуре является их вера в методы достижения благ, применяемые тибетцами. Это подтверждает и тенденцию калмыков декларировать свою религиозность, а именно приверженность тантрической буддийской традиции, в ходе нерелигиозной деятельности. Интенциями при религиозной деятельности являются получение жизненных благ, решение насущных проблем, накопление духовных заслуг на пути самосовершенствования. Следовательно, вероятное субъективное значение категорий тибетской буддийской культуры для калмыков заключается в следующем: категория *метод – мудрость* значима как источник идей добра, сострадания, взаимозависимости, отказа от несправедливого образа жизни для накопления религиозных заслуг и спасения от страданий, как объяснение сущности бытия и важности альтруизма, как смысл жизни, как диалектическая взаимозависимость противоположных начал (концепт *арга-билиг*); *тантра* воспринимается как самый действенный метод для получения благ и самосовершенствования; *духовный учитель* является тем, кто помогает получить блага и пройти духовный путь.

6) При опоре на категории тибетской буддийской культуры развитие калмыцкой религиозной традиции имеет весьма позитивные перспективы. Диалог с наукой, секулярная этика и межрелигиозная гармония, обоснованные тибетцами в соответствии с категориями их буддийской культуры, способствуют согласованности религиозных убеждений калмыков и современной научной картины мира, сохранению культурной самобытности, обретению целостной этнической идентичности, духовному развитию и толерантной коммуникации с представителями иных религиозных традиций. Все это обуславливает

важнейшее значение категорий тибетской буддийской культуры для калмыков, возрождающих свою религиозную традицию в условиях современной культуры.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты данной работы могут быть востребованы при изучении тибетской буддийской культуры и ее адаптации в культуре разных народов, а также при дальнейшем осмыслении сущности и значимости религиозной традиции калмыков в контексте современной культуры.

Практическая значимость исследования. Полученные в ходе исследования результаты были отражены в двух учебно-методических разработках для студентов ФГБОУ ВО «КалмГУ» «Краткий англо-русский словарь буддийских терминов» и «Числовые списки буддийских терминов с английскими параллелями», являющихся подспорьем при углубленном изучении буддийской культуры. Положения диссертации могут быть использованы при дальнейшем составлении учебно-методических комплексов по тибетской буддийской культуре, а также по истории, культуре и философии калмыцкого этноса. Некоторые выводы могут быть использованы при разработке рекомендаций по осуществлению государственной политики в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры, в том числе пунктам: 2.8. Феномены человеческой субъективности; 3.12. Тенденции динамики культуры; 3.25. Региональные нелокальные культуры. Их взаимодействие с мировой культурой; 3.31. Герменевтические проблемы исследования культуры; 3.33. Исследование конкретных культурных феноменов в контексте общих закономерностей существования культуры.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности обусловлена применением комплекса разнообразных методов исследования, соответствующих предмету, цели и задачам исследования. По теме исследования опубликованы 32 работы, в том числе 1 статья в издании, входящем в базы данных Scopus и Web of Science (Q1), и 10 статей в изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова». Основные результаты исследования докладывались на научно-практических конференциях различного уровня: Международный форум «Буддизм в диалоге культур Востока и Запада: прошлое, настоящее и будущее» (Элиста, 2015); XIII Ежегодная научная молодежная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Исследования и разработки передовых научных направлений» (Ростов-на-Дону, 2017); Международная научная конференция «Сетевое востоковедение: образование, наука, культура» (Элиста, 2017); Международная конференция «Буддизм: единство в многообразии» (Улан-Удэ, 2018); Всероссийская конференция «Практическая философия: от классики – до

информационного социума» (Астрахань, 2018); IV Конгресс российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций» (Благовещенск, 2018); Международная научно-практическая конференция «Традиции и инновации в сфере религиозных отношений» (Уфа, 2019); научный семинар «Россия и буддийский мир: история и перспективы философско-востоковедных исследований» (Элиста, 2020); Всероссийский научный семинар «Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации» (Астрахань, 2020) и др.

Отдельные положения диссертации подготовлены в ходе исполнения трех научно-исследовательских проектов: «Культурная самобытность монголоязычных народов» (РГНФ – МинОКН Монголии, № 13–23–03002), «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность» (РФФИ, № 18–011–00128), «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения» (РНФ, № 19–18–00118).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы (включает 240 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обоснована актуальность темы исследования, раскрыта степень научной разработанности темы, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, сформулированы научная новизна и выносимые на защиту основные положения, охарактеризована теоретико-методологическая основа исследования, описана источниковая база исследования, раскрыта теоретическая и практическая значимость работы, приведены сведения об апробации основных результатов исследования, описана структура диссертации.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования категорий тибетской буддийской культуры» посвящена рассмотрению и обоснованию основных теоретических аспектов и методологических подходов к исследованию значения категорий тибетской буддийской традиции.

В **параграфе «1.1. Категории тибетской буддийской культуры в дискурсе философского востоковедения»** рассматриваются попытки философского осмысления буддийской культуры, систематизируются основные результаты исследований в области тибетской буддийской культуры, а также вычленяются ее категориальные основания на основе сравнительного семантического анализа тибетских текстов.

Необходимость философско-востоковедной рефлексии обосновывается тем, что богатый накопленный эмпирический материал должен быть обобщен и систематизирован. Особое значение это приобретает в том случае, когда философы намерены обнаружить основания восточных культур для подтверждения или отрицания самой возможности диалога Запада и Востока.

В связи с этим, как отмечает М.Т. Степанянц, философы-востоковеды разработали проект межкультурной философии, одним из важнейших принципов которой является принцип «когнитивной скромности», то есть предустановка на равнозначность западных и восточных культур, равноценность их философских традиций.

Философское осмысление Востока и всех явлений, связанных с ним, приобретает особую важность в российском пространстве. Оставаясь евразийским государством, в котором проживают народы европейского и азиатского происхождения, исповедуются «западные» и «восточные» религии, Россия нуждается в поиске оптимальных и наиболее действенных направлений реализации диалога культур.

Первостепенную роль в этом играет философия культуры как способ целостного видения культуры и ее сущностных компонентов. Философско-культурологический ракурс дает возможность расширить горизонты понимания восточных культур и выявить их смыслообразующие доминанты, категориальные основания. По определению В.С. Степина, категории культуры представляют собой мировоззренческие универсалии, посредством которых человек оценивает, осмысливает и переживает мир, сводя все явления действительности в единое целое.

В этой связи философско-культурологический анализ тибетской буддийской культуры является вкладом в понимание мировоззренческих универсалий тех народов, которые получили наибольшее влияние этой религиозной культуры. Более того, тибетский буддизм постепенно укореняется и в западных культурах, что приводит к необходимости осмысления вероятных проблем и перспектив его влияния на всю современную цивилизацию.

Тибетская буддийская культура является объектом исследования специальных дисциплин – тибетологии и буддологии, в которых важное место занимает вопрос о сущностном содержании тибетского буддизма. Самой главной отличительной характеристикой тибетской буддийской культуры является ее наполненность тантрической эзотерикой буддизма Ваджраяны, особого ответвления Махаяны. Основным принципом тибетской буддийской культуры является целостное восприятие религиозной теории и практики, а главным методом познания признается логический анализ в ходе слушания, размышления и медитации.

Обращение к тибетским источникам позволило выделить следующие категории тибетской буддийской культуры: категория *метод* – *мудрость*, объединяющая понятия *пустотность* и *бодхичитта*, обосновывает теоретические и методологические положения тибетской буддийской культуры; категория *тантра* раскрывает практическую реализацию учения в форме обрядово-культовой системы тибетского буддизма; категория *духовный учитель*, объединяющая концепты *лама* и *благой друг*, указывает на незаменимую роль учителя в качестве медиатора на религиозном пути, особенно в ходе тантрической практики.

Здесь необходимо уточнить, что выявленные категории тибетской буддийской культуры позволяют оценить ее потенциал в развитии народов, обратившихся в тибетский буддизм, посредством понимания вероятного значения этих категорий для самих верующих.

В параграфе «1.2. Методология исследования значения категорий тибетской буддийской культуры» обоснован методологический инструментарий для обращения к субъективности последователей тибетской буддийской культуры.

Субъективная реальность – это специфическое и неотъемлемое качество сознания, она понимается не только как целостное персональное образование, выражаемое в Я, но и как отдельные осознаваемые явления и их виды (ощущения, чувства, мысли, намерения и др.). По мнению Д.И. Дубровского, перспективным методологическим основанием для понимания чужой субъективной реальности по-прежнему остается философская герменевтика.

Проект философской герменевтики П. Рикёра делает акцент на осмыслении личности как «места рождения значений, дающих начало и смысл человеческой культуре». Для понимания этих значений важно комплексное применение методов психоанализа, структурализма и феноменологии, что способствует более точной герменевтической реконструкции субъективной реальности за счет диалектики понимания и объяснения.

Для психоанализа значения религиозных феноменов важно проследить процесс обращения верующих к религии. Наиболее обоснованной видится модель религиозного обращения, разработанная зарубежными психологами религии Л.Р. Рамбо и Ч.Э. Фараданом.

Структуралистская интерпретация субъективного значения феноменов может быть получена в ходе осмысления религиозной традиции как системы или комплекса, где наличествуют разные элементы, но они особым образом структурированы, взаимосвязаны и взаимообусловлены. А.П. Романова отмечает, что видение религии как комплекса позволяет выявить наиболее устойчивые элементы в ходе рассмотрения динамики ее развития.

Это положение требует диалектического подхода к исследованию религиозной традиции. Н.С. Капустин убедительно показал, что религия постоянно изменяется, эволюционирует, приобретает новые черты. Крайне важное значение это имеет в современной цивилизации, характеризующейся стремительным научно-техническим прогрессом.

В то же время отказ от традиционных, в том числе религиозных, ценностей может происходить вследствие «инновационного хаоса», возникающего при усилении принципов индивидуализма, прагматизма и универсализма рыночной культуры, что ведет к обезличиванию реального человека. Так, необходимо уточнить, могут ли религиозные традиции, опирающиеся на категории тибетской буддийской культуры, противостоять этому «инновационному хаосу» и сохранить целостность человеческой личности.

Ввиду того, что для анализа религиозных традиций требуется обширный фактологический материал, важно применить междисциплинарный подход.

Особую важность это имеет при использовании феноменологического инструментария, то есть попытки определить вероятную интенциональность последователей тибетской буддийской культуры.

До тех пор, пока проблема познания чужой субъективности не будет решена, остается только предполагать и определять вероятностные интенции, исходя из герменевтических процедур. Исследование историко-культурного контекста и биографических данных способствует приближению к горизонту понимания текстов и, соответственно, субъективного значения феноменов.

Наряду с этим, важным методологическим дополнением следует считать подход отечественного исследователя О.О. Розенберга, который подчеркивал первостепенную роль герменевтической рефлексии не только схоластического философского учения, но и уровня популярной «живой» религии, не забывая обо всей культуре изучаемого народа.

Рассматривая субъективность неотрывно от идентичности, необходимо соотносить вероятные интенции верующих с их религиозностью. Так, по классической типологии религиозных личностей Г. Олпорта, религиозные личности делятся на два типа: тех, кто использует религию как средство (внешняя религиозность), и тех, кто видит в ней цель (внутренняя религиозность). Однако неверифицируемость религиозного опыта создает большие трудности для понимания истинных мотивов верующих.

Следование принципу «когнитивной скромности» дает возможность применить методы, разработанные в самой тибетской буддийской культуре. Это касается типологии религиозных личностей по системе «ламрим», согласно которой религиозные личности условно разделяются на три типа: низший, средний, высший. Таким образом, данная дифференциация дополняет типологию Г. Олпорта тем, что уточняет вероятные мотивы внутренней религиозности.

Все представленные выше подходы и методы исследования в обязательном порядке необходимо сочетать с общенаучными принципами объективности и историзма, столь значимыми при изучении религиозных феноменов. Строгости научного исследования способствует применение методов сравнения, аналогии, обобщения, анализа и синтеза, индукции и дедукции.

Во второй главе «Интеграция категорий тибетской буддийской культуры в калмыцкую религиозную традицию» рассматриваются вопросы о том, как тибетская буддийская культура стала важнейшей частью религиозной традиции калмыков, и какое место в ней занимают категории, выделенные в первой главе.

В параграфе «2.1. Особенности религиозного обращения предков калмыков в тибетский буддизм» проведен анализ религиозного обращения предков калмыков в тибетский буддизм. В соответствии с 7-этапной моделью Л.Р. Рамбо и Ч.И. Фарадиана, этот процесс должен был включать: контекст (1), кризис (2), поиск «спасения» (3), контакт (4) и активное взаимодействие с представителями «новой» религии, которые имеют свои интенции для

обращения (5), принятие взглядов «новой» религиозной традиции (6), изменение образа жизни на основе предписаний и запретов религиозной общины (7).

Религиозное обращение в буддизме – весьма распространенное явление. Несмотря на отсутствие оформленного института миссионерства, буддизм все же стал мировой религией за счет своего прозелитизма. Истоки этой тенденции прослеживаются в самом буддийском учении, направленном на достижение просветления для избавления от страданий, то есть «спасения» от них. При этом мощным инструментом психологического воздействия, приводящего к зарождению религиозной веры, можно считать обрядово-культовую систему тантрического буддизма.

В то же время буддисты отмечают, что настоящая вера как убежденность в могуществе Будды и его учения приходит с анализом. Для поддержания веры буддисты распространяют основополагающие идеи буддийского учения. Учет этих моментов позволяет рассмотреть обращение предков калмыков в тибетский буддизм и определить, в какой степени категории тибетской буддийской культуры могли повлиять на этот процесс.

Калмыки – монголоязычный народ, предками которых являлись ойраты. Ойраты представляли собой кочевые этнополитические объединения западно-монгольских народностей: торгутов, дербетов, хошутов и др. Принято считать, что влияние тибетского буддизма на ойратскую религию началось с первых контактов ойратов и тибетцев и достигло своего апогея в 1640 году, когда ойраты зафиксировали свою преданность буддийским божествам и тибетским буддийским иерархам в законах «Ики Цааджин бичиг» (с калм. «Великое уложение»).

Поскольку все еще неизвестно, когда именно произошло религиозное обращение ойратов, сложно судить о контексте. В связи с этим необходимо обратить внимание на другой ключевой фактор обращения – кризис. В ойратоведении известен такой факт, как «темный период» истории ойратов. Примерно со второй половины XV века ойраты стали разобщенными, терпели постоянные поражения и более не могли влиять на геополитику региона. Последующий выход из кризисной ситуации, консолидация и образование трех мощных ойратских ханств в XVII веке с декларацией о приверженности тибетскому буддизму свидетельствуют о том, что эта буддийская традиция стала для ойратов «спасением».

Также можно предположить крайнюю заинтересованность тибетцев в обращении ойратов как стремление к распространению буддийского учения и оказанию помощи тем, кто находится в неведении. Это согласуется с буддийским учением о «четырех средствах обращения», которые включают деяния бодхисаттвы. Помимо этого, тибетцы могли считать, что геополитическая ситуация в центральноазиатском регионе создавала опасность для сохранения истинного учения, что требовало поиска защитников, убежденных в превосходстве тибетского буддизма над другими религиозными традициями.

При дальнейшем активном взаимодействии с ойратами тибетцы, вероятно, проводили тантрические ритуалы, в ходе которых ойраты получали некий

религиозный опыт, выходящий за пределы интеллектуального уровня. Если иметь в виду эмоциональный компонент, то нельзя не вспомнить о психологическом воздействии тантрических ритуалов. Кроме того, после этих ритуалов насущные проблемы ойратов могли на самом деле находить разрешение, что лишь укрепляло веру. Так, проявляется влияние категории *тантра* на обращение ойратов в тибетский буддизм.

Категория *метод – мудрость* как поиск истины с точки зрения альтруизма мог быть буквально интерпретирован ойратами. В тибетском буддизме бодхисаттвы часто называются героями, вступившими на путь просветления, а практика парамит считается обретением духовной «брони» для борьбы с «врагами» – омрачениями, как своими, так и других существ. Если ойраты слышали такую характеристику идеала человека от тибетских буддистов, то они вполне могли расценить свою воинственность как эффективное средство для помощи другим и защиты от врагов. Такая буквальная интерпретация усиливалась образами тантрических божеств из класса защитников Дхармы, чья сила проявлялась в их гневных ликах, динамических позах и различного вида оружиях. При этом ойраты понимали, что сами они могут представлять реальную силу только в единстве, поэтому буддийское учение стало дополнительным стимулом для преодоления ими разобщенности.

Таким образом, применение модели Л. Рамбо и Э. Фарадиана способствовало пониманию того, что, с одной стороны, сами тибетцы могли быть заинтересованы в религиозном обращении ойратов и располагали достаточными средствами для этого. С другой стороны, возможно, что предки калмыков обратились в тибетский буддизм, поскольку нашли в нем выход из кризисной ситуации и обрели смысл для воинского уклада жизни, необходимости объединения, создания собственного государства и его развития.

В параграфе «2.2. Категории тибетской буддийской культуры в базовых элементах калмыцкой религиозной традиции» прослеживается включение категорий тибетской буддийской культуры в религиозное сознание, религиозную деятельность, религиозные отношения, религиозные институты и организации калмыков.

Поскольку религиозное сознание калмыков отличается синкретизмом буддийских и добуддийских представлений, то священными объектами для них являются буддийские божества, а также Белый Старец (Цаган Аав), Небо, Земля, природные родники, горы, деревья и др. Для калмыков святостью обладают и духовные учителя. Главные из них – Чже Цонкапа (калм. Зунква-гегян), Далай-ламы и Панчен-ламы. Исключительную значимость для калмыков имеют священные тексты, которые с большим почтением хранятся на алтарях и регулярно декламируются верующими. Именно в этих текстах наиболее часто прослеживается категория *метод – мудрость*. Особой формой религиозных текстов являются дхарани (калм. тарни) и мантры, ассоциируемые с заклинаниями и священными формулами. В тибетской буддийской культуре дхарани и мантры используются в *тантре* и являются способом обращения к тантрическим божествам, установлению с ними особой связи.

В религиозной деятельности калмыков ключевое место занимает тантрический культ. Поскольку калмыки почитают тантрических божеств, то и львиная доля ритуалов связана с *тантрой*. Культовая религиозная деятельность калмыков также включает практики по накоплению духовных заслуг (калм. буйн). В былые времена все калмыки в обязательном порядке соблюдали религиозный пост (калм. мацг) трижды в месяц, воздерживаясь от недобродетельных поступков и совершая религиозные акты. Внекультовая деятельность калмыков, прежде всего, выражается в производстве культовых сооружений и ритуальных артефактов, управлении буддийскими монастырями (хурулами), переводах текстов с тибетского языка, преподавании религиозных дисциплин, лечении методами тибетской медицины, совершении астрологических расчетов, пропаганде религиозных взглядов посредством публичных лекций. Особым видом внекультовой деятельности следует назвать паломничество.

Основным видом религиозных связей в калмыцком обществе следует назвать отношения буддийских монахов и мирян. Нет никаких сомнений в том, что любой монах пользуется искренним уважением со стороны мирян. Отдельного внимания заслуживают отношения тибетских *духовных учителей* и их калмыцких учеников. Главным учителем и даже святой личностью калмыки считают Далай-ламу. Также наибольший авторитет получили другие тибетцы, которых калмыки считают своими духовными наставниками, регулярно посещают их лекции, благословения, посвящения.

Для упорядочения религиозной деятельности и религиозных отношений калмыки создали религиозные институты и организации. Буддийская община, как правило, функционирует в хурулах, где нормы и внутреннее убранство регламентированы тибетской буддийской школой гелуг. Руководство общиной принадлежит Шаджин-ламе, которого избирают путем голосования из числа наиболее авторитетных калмыцких буддистов. В постсоветский период на территории Калмыкии появился новый тип буддийских организаций – дхарма-центры. В них религиозную деятельность могут осуществлять не только монахи, но и миряне, серьезно вовлеченные в буддийский праксис. У калмыков существует еще один интересный религиозный институт – *знающих* (калм. медлгч). Они представляют собой мирян, которые обладают сверхъестественными способностями, напрямую общаются с божествами, читают молитвы, совершают ритуалы, тем самым лечат и оказывают духовную помощь верующим.

Таким образом, системно-структурное видение калмыцкой религиозной традиции позволило выявить, что категории тибетской буддийской культуры были по-разному интегрированы в ее базовые элементы. Категория *метод – мудрость* в большей степени отражается в религиозном сознании калмыков, сталкивавшихся с этой категорией при чтении буддийских текстов. Категория *тантра* получила наибольшее отражение в религиозной деятельности калмыков, активно использовавших тантрический культ. Категория *духовный*

учитель обнаруживается в религиозном сознании как убежденность в святости лам, а также в религиозных отношениях мирян с буддийскими монахами.

Третья глава «Значение категорий тибетской буддийской культуры для калмыков и развития их религиозной традиции в контексте современной культуры» основана на феноменологическом подходе к определению значимости категорий тибетской буддийской культуры для калмыков в условиях современной цивилизации.

В параграфе «3.1. Субъективное значение категорий тибетской буддийской культуры» рассматриваются тексты, в которых прослеживается религиозная (культовая и внекультовая) и нерелигиозная деятельность калмыков. Отправной точкой для определения вероятного субъективного значения категорий тибетской буддийской культуры является объединенная типология религиозных личностей (по Г. Олпорту и системе «ламрим»).

Если при коллективных практиках мотивы калмыков не связаны с верой, то крайне сложно понять их интенции при участии в общих молебнах, совершении пожертвований монастырям, преодолении препятствий во время паломничества. Если же они мотивированы верой, то общие моления и паломничества могут быть значимы как способы коммуникации со священными объектами.

При пассивном участии в ритуалах верующие, вероятно, полностью полагаются на святость монахов, мест, учителей, чтобы с их благословением получить желаемое. Когда калмыки проявляют активность и сами совершают какие-либо совместные религиозные практики, скорее всего их интенции связаны с личным духовным развитием, накоплением религиозных заслуг. Постоянное участие в таких практиках свидетельствует о серьезном намерении изменить сознание посредством буддийских методов.

Индивидуальные религиозные культовые практики не предусматривают внешнюю религиозность, поскольку ее не перед кем продемонстрировать. В этом случае разница субъективного значения будет зависеть от мотивации верующего человека. В этом разделе речь идет, прежде всего, о некоторых монахах и мирянах, посвятивших свою жизнь буддизму и руководствующихся мотивацией личности высшего типа, то есть стремлением к саморазвитию для помощи другим.

Наиболее убедительные доказательства значимости категорий тибетской буддийской культуры для калмыков связаны с их коллективными представлениями. Понятия *бодхичитта* и *пустотность* оказали влияние на аксиологические ориентации калмыков, их понимание ценности жизни, доброты, сострадания, взаимозависимости. Категория *метод – мудрость* в большей степени прослеживается в мировоззрении калмыков в качестве константы *арга билиг*, обуславливающей диалектичность бытия, а потому равнозначность противоположных начал. Лама (в первую очередь, Далай-лама) как *духовный учитель* имеет исключительную ценность для калмыков.

В религиозном сознании большинства калмыков категория *тантра* является способом приобщения к священному, что позволяет изменять условия

жизни и получать желаемое. В связи с этим буддийские божества приобрели в сознании калмыков характеристики Богов, способных качественно улучшать жизнь верующих без необходимости интенсивной практики или отказа от безнравственного поведения. Кроме этого, буквальная и потому неверная интерпретация учения о спасении и *тантре* как способе борьбы с врагами в некоторой степени оправдывала воинственность калмыков.

В параграфе «3.2. Значение категорий тибетской буддийской культуры для развития религиозной традиции» рассматривается актуальность категорий тибетской буддийской культуры в контексте современной цивилизации, включая процесс возрождения калмыцкой религиозной традиции.

Критический анализ и сострадание, обусловленные категорией *метод – мудрость*, являются ключевыми понятиями этики для всего мира, которую предлагает Его Святейшество Далай-лама XIV. Примечательно, что свою позицию он обозначает как «секулярную», то есть буквально пропагандирует приоритет гуманизма и толерантности над религиозными ценностями. Так, тибетский буддизм, найдя адептов на Западе, превратился в глобальную духовную систему, в которой религиозные постулаты сочетаются с секулярными идеями.

Опираясь на идеи добра и сострадания, Далай-лама XIV выступает за принципиальную допустимость межрелигиозной гармонии. Особенно важным Далай-лама считает обмен глубоким духовным опытом между религиозными личностями разных традиций, но одинаково серьезно посвятивших себя религиозной практике. Вероятно, духовный лидер тибетцев считает, что такой обмен содействует воспитанию уважительного отношения не столько к самим религиозным традициям, сколько к следующим им людям.

Категория *духовный учитель* по-прежнему остается краеугольной для тибетцев и проявляется в их неотступной направленности на получение образования. Их традиция слушания–размышления–медитации предполагает обязательный процесс передачи и освоения теоретических знаний в ходе анализа. Именно благодаря склонности к критическому анализу религиозных идей тибетские буддисты легко преодолевают «двуязычие культур», возникающее при внедрении научно-технологических новшеств в их традиционную культуру.

Рациональность, присущая тибетской буддийской культуре, позволила тибетцам вести диалог с современной наукой. Далай-лама XIV инициирует регулярные встречи с представителями естественных и социогуманитарных наук из разных стран мира для обсуждения проблем человечества. К примеру, нейробиологи и физиологи совместно с буддийскими монахами изучают сознание человека, влияние медитативных техник, включая методы *тантры*, на осознанность и контроль когнитивных процессов.

В последние десятилетия калмыцкий народ активно восстанавливает свою религиозную традицию, утраченную в годы советской власти. Считая буддизм одной из базовых ценностей своей культуры, калмыки связывают с ним

возрождение и сохранение культурной самобытности. Кроме того, буддизм для калмыков является маркером их этнической идентичности. Однако такое восприятие буддизма приводит к тому, что калмыки просто недооценивают буддизм и его потенциал в техногенной цивилизации. В этом случае возникает иная, более глубокая проблема. В процессе самоидентификации калмыков происходит «разлом», когда их представления о себе и своей культуре не коррелируют с их мировоззрением.

Если калмыцкая буддийская традиция продолжит тесное взаимодействие с тибетской буддийской культурой, которая легко адаптируется в современном обществе, то настоящий интерес к самому буддийскому учению среди калмыков возрастет. Правильное понимание и практическое применение категорий тибетской буддийской культуры могут стать ключевыми факторами в процессе восстановления калмыцкой религиозной традиции, ее развития в условиях современной цивилизации без сложностей «двуязычия культур». Вместе с тем осознание калмыками значимости собственной традиционной культуры и обретение этнической идентичности, несомненно, будут способствовать их позитивному диалогу с представителями других национальностей и религий.

В **«Заключении»** сформулированы выводы, подведены итоги и намечены дальнейшие перспективы исследования и осмысления категориальных оснований тибетской буддийской культуры и их субъективного значения для верующих в целом и, в частности, для калмыков.

Основные результаты диссертационного исследования отражены в 32 публикациях автора (общим объемом 12,4 п.л.), в том числе:

в издании, входящем в базы данных Web of Science и Scopus:

1. Эрендженова Ю.Ю. Российские центры тибетской буддийской традиции: особенности и значение религиозных практик // Новые исследования Тувы. – 2021. – № 2. – С. 156-168. – DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.2.13>.

в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ:

2. Эрендженова Ю.Ю. Значение возрождения калмыцкой буддийской традиции в контексте современной культуры // Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 1. – С. 150-157.

3. Эрендженова Ю.Ю. Священные объекты в религиозной культуре российских буддистов: интенции и праксис // Вестник Калмыцкого университета. – 2020. – № 2. – С. 124-130.

4. Эрендженова Ю.Ю. Интенции сознания ойратов и тибетцев в процессе их религиозного взаимодействия // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 4. – С. 141-147.

5. Уланов, М. С. Константы тибетского буддизма в традиционной культуре ойратов / М.С. Уланов, Ю.Ю. Эрендженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2019. – № 3(60). – С. 184-190.

6. Эрендженова Ю.Ю. Духовный учитель как универсалия тибетской буддийской культуры // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 2. – С. 128-134.

7. Эрендженова Ю.Ю. Женское начало в доктринальных основаниях буддизма Махаяны // Вестник Калмыцкого университета. – 2018. – № 4. – С. 169-175.

8. Уланов, М. С. Образ женщины-матери в махаянской традиции буддизма (на примере буддийской культуры ойратов) / М.С. Уланов, Ю.Ю. Эрендженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2018. – № 4(57). – С. 137-

9. Эрендженова Ю.Ю. Религиозно-философское наследие Чже Цонкапы в духовной культуре ойратов // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 1. – С. 261-268.

10. Эрендженова Ю.Ю. Пустотность бытия в «Алмазной сутре» и ее отражение в миропонимании ойратов // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – №4(36). – С. 153-158.

11. Эрендженова Ю.Ю. «Тодо бичиг» ойратов как способ осмысления тибетской буддийской традиции // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 4(32). – С. 156-161.

в других научных изданиях:

12. Ulanov, M. S. Women in the history of Chinese Buddhism / M. Ulanov, V. Badmaev, G. Kaldinova, M. Tyumidova, Yu. Erenjenova // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. International Scientific Congress “Knowledge, Man and Civilization” (ISCKMC 2020). – 2021. – V. 107. – P. 1643-1648. – DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.217>.

13. Эрендженова Ю.Ю. Особенности религиозного обращения в тибетский буддизм // Восьмой Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире». Секции (II) : сборник научных статей. – Москва : РФО ; ИФРАН ; МГУ : Логос, 2020. – С. 1939-1942.

14. Эрендженова Ю.Ю. Влияние тибетской буддийской культуры на религиозную традицию калмыков: теоретико-методологические аспекты исследования // Россия и буддийский мир: история и перспективы философско-востоковедных исследований : материалы научного семинара, Элиста, 31 октября 2020 года. – Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2020. – С. 63-70.

15. Эрендженова Ю.Ю. Значение тибетской буддийской культуры для российских буддистов // Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : сборник научных статей по материалам всероссийского научного семинара, (28-30 октября 2020 года), Астрахань, Российская Федерация / под общей редакцией А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. – Астрахань : Астраханский университет, 2020. – С. 99-103.

16. Ulanov, M. S. Women in Mahayana Buddhism / M. Ulanov, V. Badmaev, G. Kaldinova, M. Tyumidova, Yu. Erenganova // European Proceedings of Social and Behavioral Sciences. Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism (SCTCMG 2019). – 2019. – V. 76. – P. 3237-3242. – DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.435>

17. Эрендженова Ю.Ю. Вклад калмыков в развитие тибетской буддийской традиции // Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве : материалы III Международного научного форума, 11-14 ноября 2019 г. – Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2019. – С. 393-395.

18. Эрендженова Ю.Ю. Бодхичитта как метод совершенствования в буддийской традиции ойратов // Сборник материалов региональной научно-практической конференции с международным участием «Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы). – Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2019. – С. 110-112.

19. Эрендженова Ю.Ю. Имидж преподавателя вуза в контексте буддийского учения о «благом друге» // Педагог-профессионал в школе будущего : материалы II Всероссийской молодежной конференции, 26 апреля 2019 г. – Элиста : Джангар, 2019. – С. 388-393.

20. Эрендженова Ю.Ю. Мировоззренческие универсалии тибетской буддийской культуры в картине мира ойратов // Тезаурусы и проблемы культуры : III Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова : общероссийская (национальная) научная конференция (с международным участием) : доклады и материалы. – Москва : Издательство Московского гуманитарного университета, 2019. – С. 188-199.

21. Эрендженова Ю.Ю. Место женщины в буддийской культуре ойратских ханств // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. – 2018. – № 1. – С. 112-118.

22. Эрендженова Ю.Ю. Личность матери как основной сотериологический фактор буддизма Махаяны (на примере ойратов) // Труды IV Конгресса российских исследователей религии "Религия как фактор взаимодействия цивилизаций", 24-28 сентября 2018 года, Благовещенск : сборник докладов. – Благовещенск : Издательство Амурского государственного университета, 2018. – С. 543-548.

23. Эрендженова Ю.Ю. Буддийская ступа как символ гармонизации духовного пространства калмыков // Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия : материалы II Международного научного форума, 29 ноября – 2 декабря 2018 г. – Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2018. – С. 234-236.

24. Эрендженова Ю.Ю. Буддийская теория взаимозависимости и ее практическое применение в сфере образования // Практическая философия: от классики – до информационного социума : сборник материалов Всероссийской

конференции, Астрахань, 27-28 сентября 2018 г. – Астрахань : Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2018. – С. 397-401.

25. Эрендженова Ю.Ю. Роль личностного потенциала Зая-пандиты в формировании буддийской традиции ойратов: философско-религиоведческий анализ // Личность в парадигме межкультурной коммуникации: язык – культура – образование – музей (теоретические и прикладные проблемы) : материалы международной научно-практической музейной конференции. – Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2018. – С. 113-115.

26. Эрендженова Ю.Ю. «Дорджи Джодва» – источник буддийской философии для калмыков // Сетевое востоковедение: образование, наука, культура : материалы международной научной конференции. – Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2017. – С. 423-425.

27. Эрендженова Ю.Ю. Мировоззренческие основы тибетской традиции гелуг в духовном пространстве ойратов // Культурные константы монголоязычных народов : материалы Международного круглого стола. – Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2017. – С. 90-96.

28. Эрендженова Ю.Ю. Буддийская система образования и ее трансляция в культурное пространство ойратов // XIII Ежегодная молодежная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Исследования и разработки передовых научных направлений» : тезисы докладов, г. Ростов-на-Дону, 17–27 апреля 2017 г. – Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2017. – С. 293.

29. Эрендженова Ю.Ю. Буддийские принципы в законотворчестве тибетцев и ойратов // Философия права. – 2016. – № 5(78). – С. 22-25.

30. Эрендженова Ю.Ю. Some Features of Intercultural Communication of Tibet and Oirat Khanates in 17th–18th centuries = Некоторые особенности межкультурного взаимодействия Тибета и ойратских ханств в 17–18 вв. // Буддизм в диалоге культур Востока и Запада: прошлое, настоящее и будущее : материалы Международного форума, Элиста, 20-23 сентября 2015 года. – Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2016. – С. 104-106.

31. Эрендженова Ю.Ю. Принятие ойратами буддизма тибетской традиции // Монголоязычные народы: культура, традиции, история : материалы круглого стола. – Элиста : Джангар, 2015. – С. 174-178.

32. Эрендженова Ю.Ю. Лама и ученик-милостынедатель – основные ценности буддизма тибетцев и ойратов // Наука и мир. – 2015. – Т. 2. – № 5(21). — С. 150-152.